

DOI: 10.17976/jpps/2017.03.04

ПОПУЛИЗМ – ЭТО НАДОЛГО

Л.Г. Фишман

ФИШМАН Леонид Гершевич, доктор политических наук, профессор РАН, ведущий научный сотрудник Института философии и права УрО РАН, г. Екатеринбург. Для связи с автором: lfishman@yandex.ru

Фишман Л.Г. Популизм – это надолго. – Полис. Политические исследования. 2017. № 3. С. 55–70. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.03.04>

Статья поступила в редакцию: 16.09.2016. Принята к печати: 23.11.2016

Аннотация. Статья посвящена феномену современного популизма. Попытки его концептуализации порождают противоречие: популизм зачастую описывается как явление, полностью неустраимое, но маргинальное, отступающее, когда ситуация нормализуется; и в то же время в дискурсах, трактующих современность в категориях постполитики, постмодерна, постдемократии, постидеологии и т.д., популизм предстает системообразующим элементом современного политического поля. Для достижения менее противоречивой концептуализации феномена популизма предлагается рассматривать его в контексте Второй и Третьей великой трансформации капитализма (по В.Г. Федотовой). В статье утверждается, что популизм – это квинтэссенция согласия касательно необходимости государственного регулирования, характерного для всех ведущих идеологий эпохи Второй великой трансформации. Таким же он в значительной мере остается и в период происходящей сейчас Третьей великой трансформации. Поскольку имеющиеся проблемы не могут быть решены “естественным образом”, то складываются объективные предпосылки для наступления новой эпохи социального реформаторства. Традиционные левые силы, как и традиционные правые, находятся в кризисе, уступив инициативу регулирующей политике неолибералов. Но им на смену идут левые и правые популисты, и их влияние будет расти в период Третьей великой трансформации. С популизмом будут связываться как привычные ожидания эффекта социально ориентированного регулирования экономики, так и ожидания новых социальных экспериментов, призванных обогатить и сделать более адекватной социальную организацию современных обществ. Эти ожидания будут удовлетворены в той мере, в которой популизм окажется способным реализовать лежащее в его основе демократическое стремление народа обрести власть над собственной судьбой. В противном случае популистская политическая активность, как правого, так и левого толка, сведется к характерной для эпохи “когнитивного капитализма” борьбе за ренту, когда, например, наличие постоянной работы уже рассматривается как привилегия, дающая ренту под видом заработной платы.

Ключевые слова: популизм; капитализм; рента; Великая трансформация; трансформации капитализма; постдемократия; государственное регулирование; неолиберализм.

Попытки осмыслить и системно проанализировать популизм как политическое движение, взлеты и падения которого неотделимы от истории представительной демократии, и, возможно, как “новую идеологию”, предпринимались неоднократно зарубежными и отечественными авторами [см., например, Баранов 2015; Вайнштейн 2013; Мусихин 2009; Canovan 1999; Ionescu, Gellner 1969; Goodwyn 1973; Mayer 2005; Mudde 2004; Taggart 2000]¹. Особое внимание

¹ См. также Дейвикс К. Популизм. – *Гэфтер*. 22.11.2012. Доступ: <http://gefter.ru/archive/6800> (проведено 15.01.2017).

уделяется, по преимуществу, правому популизму, который доминирует в таких странах, как США, Германия, Австрия, Италия, Бельгия, Нидерланды, Венгрия, Польша, Франция. По мнению Э. Лакло, “американский популизм носит ярко выраженную правую окраску. Чаепитие, Сара Пэйлин и все такое. Причем популизм справа развивается по восходящей. А левый популизм в США (как, впрочем, и в Европе) почти не заметен”². Однако, как отмечает Л. Марч, в Европе достаточно и левых популистских партий, отличающихся сильной антиэлитной риторикой, борьбой против истеблишмента, идеологическим эклектизмом и апелляциями скорее к разного рода идентичностям (национальной, региональной и т.д.), чем к классовому интересу. И это — не считая “социальных популистов”, особенно в Латинской Америке, которые также не чураются антикапиталистической риторики [March 2008].

Вместе с тем, невозможно дать всеобъемлющее определение популизма. “Общее место многочисленных политологических работ, — замечает Г. Вайнштейн, — посвященных феномену популизма, — констатация того факта, что популизм представляет собой весьма туманное по своей сущности и плохо укладываемое в четкие и привычные рамки политической классификации явление. И действительно, в лице популизма мы имеем дело с весьма неоднородными в организационном и идеологическом смысле тенденциями... хотя в реальной политической жизни и правые и левые популисты, как правило, достаточно легко узнаваемы, выработка категориального аппарата, позволяющего однозначно идентифицировать их принадлежность к соответствующей ‘политической семье’, весьма проблематична” [Вайнштейн 2013: 24-25].

Проблематичными выглядят и попытки осмыслить причины роста популярности идеологии популизма, если они предпринимаются в преимущественно негативистском ключе, когда популизм “вполне может интерпретироваться как разновидность фрагментарной идеологии, которая, будучи слабой, ограниченной и ущербной в своем концептуальном ядре, открыта к ‘браку по расчету’ с более цельными идеологиями” [Мусихин 2009: 45, 51]. В таком случае сила и адаптируемость популизма объясняются тем, что он подобен “вирусу, который настолько примитивен, что не обладает собственной клеточной структурой, однако вследствие своей примитивности способен прижиться в чужой клеточной среде” [там же].

Популизм часто осмысливается как внеидеологический феномен, связанный с ситуациями постполитики (Муфф Ш.³), постмодерна [Байме 2014], постдемократии [Крауч 2010], постидеологии [Жижек 2012: 98-122]. Так, В. Мартьянов считает, что популизм, будучи основной политической стратегией в ситуации постмодерна, “вне-идеологичен, то есть уже не озвучивает идеологических интересов реальных социальных групп... Ловушка популизма в том, что настоящие идеологии не могут быть надпартийными, объективно отражающими интересы всего общества, народа, нации и т.п. ...популизм — это, прежде всего, стратегия действующей власти, правящего класса, направленная на сохранение существующего статус-кво” [Мартьянов 2004: 175]. Таким образом, все идеологические метарассказы упрощаются до версий популизма, теряя принципи-

² Лакло Э., Нетесова Ю. *Знаменитый аргентинский философ о левом и правом популизме. Интервью.* 2011. Доступ: <http://www.rodon.org/society-110906093525> (проверено 15.01.2017).

³ Муфф Ш. *Постдемократия и постполитика.* — *Гептер.* 13.11.2013. Доступ: <http://gefтер.ru/archive/10510> (проверено 15.01.2017).

альные качественные различия. Политические субъекты теперь ориентированы на захват власти, а не на доказательство идеологической правоты. В условиях же демократии власти можно достичь только получив большинство, т.е. угодив всем или не угодив всем меньше других. В этом контексте все идеологии изначально предстают более или менее изоциренным, облагораживающим интеллектуальным прикрытием стремления к власти. Популизм все эти стратегии соблазна лишь упрощает, делает доступными для усвоения и привлекательными для максимальной аудитории. Против современных идеологий работает и разрушение больших экономических классов, стоявших за этими идеологиями. Новые группы довольно аморфны, дробны, динамичны и зачастую налагаются одна на другую. Чтобы достичь власти, политикам приходится искусственно формировать поддерживающее их большинство из совокупности таких групп, интересы которых часто противоречат друг другу. Отсюда популистский поиск предельно общих или наоборот предельно частных целей, которые могли бы всем понравиться, не вызвав конфликтов и отторжения. В такой ситуации важнейшую роль играют общее снижение значимости идеологий в партийной политике и рост значения политических технологий.

Даже если популизм не может быть четко квалифицирован идеологически, есть веские основания связывать его распространение с идеологией *неолиберализма*. Неолиберальная политика правых и левых “вымостила” дорогу популизму: “Неолиберализм в чистом виде может возродить собственных врагов — в форме авторитарного популизма или национализма” [Харви 2007: 24]. Более того, вокруг неолиберализма сформировался “центристский консенсус” правых и левых партий, что, по словам Ш. Муффа, привело к отсутствию реального выбора между очевидно отличающимися альтернативами. Это объясняет и нынешнее падение интереса к политике, и “подъем в ряде стран правых популистских движений, весь успех которых объясняется тем, что в них видят единственную альтернативу существующему порядку”⁴.

Другое общее место заключается в том, что популизм рассматривается как естественное для демократических политических режимов явление. Даже можно сказать, что популизм и есть “подлинный голос демократии” [Лэш 2002: 87], а “популистское сознание — это особый демократический компонент политической культуры, сутью которого является стремление широких народных масс к подлинному и непосредственному участию в политическом процессе” [Баранов 2015: 31]. Более того: “...спор с популизмом — это спор с демократией... популизм — это результат серьезного усугубления ряда худших демократических тенденций”⁵. Традиционное описание популизма нередко сводится к тому, что это какой-то эксцесс, говорящий о неблагополучии, о кризисных явлениях, связанных с процессами модернизации и индустриализации, протекавшими в ряде стран в недалеком прошлом, или же с экономическими кризисами, подобными тому, который привел в Венесуэле к власти режим У. Чавеса [Foner 2004; Sylvia, Danopoulos 2003]. В целом популизм трактуется обычно как негативное явление, в основе которого — стремление противопоставить “народ” и “иное, нежели народ”. Политические

⁴ Муфф Ш. Постдемократия и постполитика. — *Гедфтер*. 13.11.2013. Доступ: <http://gedfter.ru/archive/10510> (проверено 15.01.2017).

⁵ Кейтеб Дж. Против популизма: Шесть тезисов о популизме и его опасностях. — *Гедфтер*. 13.11.2013. Доступ: <http://gedfter.ru/archive/9370> (проверено 15.01.2017).

предпосылки для сегодняшних успехов популизма закладывались в ситуации, когда партии и парламенты становились все более нейтральными в идеологическом смысле, а “центр тяжести” политической поддержки все более смещался к партийным лидерам⁶. Сегодня речь идет уже о том, что *Brexit*, победа Трампа в США и предсказываемое многими торжество правых популистов в Европе свидетельствуют, ни много ни мало, об “окончательном поражении либеральной демократии” и складывании “вывернутого наизнанку” мира, в котором правые популисты берутся за выполнение традиционных задач левых, а левые этому сопротивляются⁷.

Дискурс популизма парадоксален. С одной стороны, широко распространен взгляд, согласно которому популизм – это явление хотя и неустранимое, но маргинальное, накатывающее волнами и отступающее, когда ситуация нормализуется. С другой стороны, *если описывать современность в категориях “пост-” (постполитики, постмодерна, постдемократии, постидеологии и т.д.), популизм предстает едва ли не системообразующим феноменом политического поля*. Всем действующим на этом поле фигурам сегодня предъявляют такие же обвинения и упреки, которые ранее касались только популизма. Это не удивительно: рассуждения в рамках парадигмы “пост-” близки к рассуждениям в рамках парадигмы “вне-”, когда популизм осмысливается как *enfant terrible* демократии.

***

Таким образом, проблема современного популизма требует выхода за рамки привычных обобщений, в которых популизм предстает одновременно и маргинальным, и практически воплощающим мейнстрим, не имеющим альтернатив. Популизм должен быть помещен в некий метарассказ, например, в метарассказ о Великой трансформации [Поланья 2002] (или даже трех Великих трансформациях [Федотова, Колпаков, Федотова 2008]). Возможно, многие неувязки в осмыслении современного популизма связаны с тем, что его пытаются оценивать под воздействием стереотипов, обусловленных контекстом его возникновения. Это контекст эпохи индустриализации, урбанизации, формирования институтов либеральной демократии и парламентаризма (т.е. “модернизации” в самом общем смысле), характерный для второй половины XIX – первой половины XX вв. Популистские движения этой эпохи ассоциировались преимущественно с социальными группами, отчасти ставшими жертвами модернизации, отчасти – страдающими из-за неспособности быстро к ней адаптироваться. Причиной такого их положения считалась сравнительная “отсталость” (низкая образованность, провинциальность и т.д.), которая способствовала их чувствительности к призывам “все упрощающих” популистских политиков. Так и сегодня многие левые и либералы, неприятно пораженные *Brexit* и победой Трампа, продолжают трактовать современных популистских политиков как политических представителей “отсталых” социальных групп. Тем не менее такая оценка во многом представляется натянутой даже по отношению к популизму периода модерни-

⁶ Дейвикс К. Популизм. – *Гедфтер*. 22.11.2012. Доступ: <http://gefter.ru/archive/6800> (проверено 15.01.2017).

⁷ Жижек С. Думай локально, действуй глобально! – *ИНОСМИ*. 01.02.2017. Доступ: <http://inosmi.ru/politic/20170203/238661539.html> (проверено 03.02.2017).

зации. Как замечает Р. Гринфилд, некоторые популистские движения вроде американской “Народной партии” XIX в. действительно противопоставляли обитателей сельской местности горожанам (торговцам, железнодорожникам, промышленникам). Но уже в популизме Аргентины XX в. значительную роль играли городские рабочие, а в Боливии Э. Моралес большее внимание уделял интересам коренных народов [Greenfield 2010: 15]. Касательно латиноамериканского популизма первой волны считается, что именно городские рабочие были его “главными бенефициарами” [Варенцова 2014: 155]. Иными словами, уже популизм времен Второй великой трансформации (преимущественно — периода после Второй мировой войны с характерными для него организованным капитализмом, государственным вмешательством в экономику и социальную сферу, протекционизмом, социализмом и т.д. [Федотова, Колпаков, Федотова 2008: 245-251]) не был исключительно выражением устремлений “отсталых” темных провинциалов и прочих жертв модернизации. Скорее он являлся ответом на неспособность правительств осуществлять регулятивную деятельность в интересах широких слоев населения.

Современный же популизм начал набирать силу примерно с начала 1990-х годов, выражая чаяния образованных горожан, “от промышленных рабочих и ‘белых воротничков’ — до менеджеров среднего звена” [Luttwak 1994], теряющих экономическую безопасность ввиду трендов глобализации и прекаризации, конкурентного давления иммигрантов и т.д. Поэтому он вряд ли может быть адекватно оценен с точки зрения указанных выше стереотипов.

Капитализм как общественный порядок с самого своего “свободно-рыночного” начала не имел ничего общего с “естественным ходом вещей”, не мог существовать без постоянного регулирующего вмешательства “надстройки” в “базис”, без целенаправленной законодательной и регламентирующей деятельности государства [Поланьи 2002: 156]. Популизм (а шире — идея демократии) выражает эту тенденцию существования в мире “фиктивных” товаров и общественных отношений, в “искусственной среде” капитализма. С метаидеологической точки зрения популизм Второй великой трансформации — это порождение либерально-консервативно-социалистического консенсуса, важнейшая черта которого — согласие всех идеологий насчет необходимости и неизбежности социально-экономического регулирования, осуществляемого во имя, пусть и по-разному понимаемых, *интересов большинства населения*. И это согласие насчет регулирования — не правое и не левое. Явное замешательство при идеологической квалификации популизма вызвано тем, что идеологический момент в популизме — определяющий, но он не относится к какой-то конкретной “идеологической семье”, а олицетворяет как раз эту общую идеологическую основу прежнего либерально-консервативно-социалистического консенсуса.

О том, что популизм ориентируется на государственное регулирование, пишут со времени его возникновения в США в конце XIX в. [см. Баранов 2015]. Дж. Хикс отмечал: “популистская философия в конечном счете сводится к двум основным положениям: первое — правительство должно сдерживать эгоистические интересы тех, кто извлекает выгоду за счет бедных и нуждающихся; второе — народ, а не плутократы должны контролировать правительство” [Политология... 1993: 306]. По словам Р. Хофстедтера, “популизм был в США первым значительным политическим движением, которое настаивало

на ответственности государства за всеобщее благосостояние” [Hofstadter 1955: 4-5]. То же самое касается и латиноамериканского популизма первой половины XX в. Перуанский апризм, бразильский жетулизм, аргентинский перонизм придерживались политики активного вмешательства государства в экономику, осуществляли протекционистские меры, перераспределяли доходы внутри страны, проводили аграрные реформы в пользу крестьян, выступали покровителями трудящихся, пытались реализовать социальные программы, чтобы поддержать социальный мир и борьбу с бедностью и голодом. И таков же современный боливарианский левопопулистский режим в Венесуэле.

Еще одна черта, общая для едва ли не для всех видов популизма, — склонность к риторике национализма. Она также восходит к популистской ориентации на государство, которое всегда *национально*. Если в Латинской Америке этот националистический элемент традиционно использует антиимпериалистические лозунги, то в современной Европе их заменяют настроения евроскептицизма, а “популистские националисты выдают себя за единственных защитников национальной идентичности и национального суверенитета от ‘внешних угроз’”⁸.

Мы должны отметить, что первый подъем популизма пришелся как раз на времена формирования либерально-консервативно-социалистического консенсуса и особенно он проявился там, где оно шло с некоторым отставанием, либо там, где такой консенсус так и не смог сложиться. Первый случай — это США, в которых популистские движения существенно влияли на повестку дня больших политических партий и обычно были интегрированы с ними. Второй — Латинская Америка, где популизм был обречен стать самостоятельной политической силой, поскольку “ответственные” политические партии (выстроенные на основе традиционных принципов партийно-политической дифференциации) по разным причинам терпели провал в достижении общественного согласия. Этого нельзя было долгое время сказать о Европе, в которой популизм в течение большей части XX в. оставался несамостоятельной маргинальной силой. Поскольку именно Европа была главной ареной формирования либерального консенсуса, здесь сами “ответственные” политические партии (опережая и закрывая эту нишу для популистов) занимались государственным регулированием во имя общественного согласия и формировали для достижения этой цели влиятельные идеологические обоснования. Популистский момент, конечно, не исчезал полностью, но оставался на уровне лозунгов, тактик и приемов борьбы, среди прочих используемых “ответственными” политическими силами. Однако сейчас в Америке и Европе наблюдается сходящая со временами возникновения популизма ситуация — но уже в условиях распада либерального консенсуса: состояние “пост-” обретает общие черты с состоянием “до-”.

В этой оптике популизм — “не правый и не левый” — на всех этапах своей истории представляется не как побочный продукт и своего рода “издержка” политического процесса, а как квинтэссенция согласия по поводу необходимости государственного регулирования, к которому он апеллирует во имя “народа”, желающего осуществить свое право регулирования (управления). Иными словами, популистская склонность к прямой демократии — это не более чем желание получить непосредственный политическим истеблишментом доступ ко все тому же государственному регулированию.

⁸ Rupnik J. Populism in Eastern Central Europe. — *Eurozine*. 10.09.2007. URL: <http://www.eurozine.com/articles/2007-09-10-rupnik-en.html> (accessed 15.01.2017).

“Ответственные” политические силы обвиняют популизм в том, что он видит проблемы примитивно, некомпетентен, эмоции в нем преобладают над разумом, и поэтому он ищет простых решений, понятных для “темного” населения. В частности, Д. Трампа в течение его предвыборной кампании экономисты обвиняли в некомпетентности⁹, журналисты высказывались примерно в таком ключе: “Вся политическая программа Трампа сводится к одной простой формулировке для самых простых американцев: “Я самый суперский кандидат! Суперумный, суперуспешный и суперталантливый! Я и только я смогу сделать Америку супервеликой!”¹⁰. Сторонников Трампа обзывали “неприличным сборищем”, расистами, сексистами, гомофобами, ксенофобами, исламофобами¹¹. Как писал несколько лет назад И. Крастев, “европейские элиты тайно мечтают о системе, которая подавит голоса безответственных избирателей, подрывающих рациональность политики, и готовы использовать для создания такой системы Европейский союз”¹². Поэтому, например, многие немецкие публицисты и ученые из истеблишмента разделяли мнение своих американских коллег об избирателях Трампа как “тупых реднеках”, расистах и озлобленных безработных; после победы Трампа некоторые из них усомнились в правильности такой оценки¹³.

“Ответственные” политические силы традиционно упрекали популистов за то, что у них нет таких глобальных и изощренных метарассказов, какие были у либералов, социалистов или консерваторов. А без этих метарассказов любое регулирование и, шире, социальное экспериментирование, потребность в котором обусловлена демократическим стремлением обрести “причастность к собственной судьбе” (по выражению Мёллера Ван дер Брука), ничего хорошего не принесет. И сейчас такая точка зрения достаточно распространена: “Только в условиях конституционализма, созданного на основе измененной Конституции США, возможна, выражаясь концептуально, демократия; но в условиях неограниченной демократии возможен лишь условный конституционализм, а популизм — как радикальный мажоритаризм (*majoritarianism*) или радикальная демократия — антиконституционен”¹⁴.

Как обстоит дело с общим согласием насчет регулирования в период Третьей великой трансформации? Оно по-прежнему существует, если не сказать — окрепло. Неолиберализм на словах призывал к ограничению вмешательства государства в рынок и в частную жизнь. Но на деле его триумф обернулся только увеличением этого вмешательства, чьими бы руками оно ни проводилось — правых или традиционных левых партий, которые в условиях

⁹ Американские экономисты обвинили Дональда Трампа во лжи и некомпетентности. — *Коммерсантъ*. 02.11.2016. Доступ: <http://www.kommersant.ru/doc/3132637> (проверено 05.03.2017).

¹⁰ Бом М. Трамп России не поможет. — *Московский комсомолец*. 11.03.2016. № 27051. Доступ: <http://www.mk.ru/politics/2016/03/10/tramp-rossii-ne-pomozhet.html> (проверено 05.02.2017).

¹¹ Клинтон назвала сторонников Трампа “неприличным сборищем”. — *BBC.COM*. 10.09.2016. Доступ: <http://www.bbc.com/russian/news-37328745> (проверено 05.02.2017).

¹² Krastev I. The Populist Moment. — *Eurozine*. 18.09.2007. URL: <http://www.eurozine.com/articles/2007-09-18-krastev-en.html> (accessed 15.01.2017).

¹³ Коваль И. Немецкие СМИ о победе Дональда Трампа: “Пристегните ремни!”. — *DW.com*. 09.11.2016. Доступ: <http://dw.com/p/2SQ2a> (проверено 05.02.2017).

¹⁴ Кейтеб Дж. Против популизма: Шесть тезисов о популизме и его опасностях. — *Гэфтер*. 10.07.2013. Доступ: <http://gefter.ru/archive/9370> (проверено 15.03.2017).

либеральной демократии давно уже идут в русле неолиберальной политики. И при этом, как нередко утверждается в позитивном [Giddens 1994] или негативном¹⁵ ключе, в результате деидеологизации граница между “левыми” и “правыми” оказалась сильно размытой. В ситуации, когда адекватными метарассказами не располагает никто, растет роль политических лидеров в ущерб идеологии, партии превращаются в маркетинговые структуры и т.д., у “ответственных” политических сил не остается прежних преимуществ перед популистами разных мастей. В известном смысле все теперь популисты, согласные, как и ранее, в одном — *регулирование необходимо*.

Стремление к регулированию, попытки вновь обрести возможность управлять выходящими из-под контроля процессами в экономике, политике, международной сфере, конечно, наиболее ярко проявляются в современном популизме, когда он эксплуатирует национально-культурную риторику. Этот аспект популизма замечает Я. Бурума: “и Трамп, и Фарадж в ходе своих кампаний разжигали энтузиазм толпы фразами про ‘суверенность’, ‘контроль’ и ‘величие’... ‘евроскептики’ легко могли отвлечь внимание населения от внутренних проблем, ругая иностранцев, якобы правивших балом из Брюсселя... идея ‘возвращения контроля’ подслащивает пилюлю относительного провала. Она подпитывает желание чувствовать свою исключительность, ощущать, что ты в своем праве, — короче говоря, жажду вернуть себе прежнее величие”¹⁶.

Действительно, у популистов возникает соблазн в первую очередь отрегулировать то, что больше всего бросается в глаза и с чем, как представляется, можно справиться путем простых ограничительных или поощрительных мер. Поэтому, например, Австрийская партия свободы выступает за ограничение миграции вместо политики открытых дверей, сохранение рабочих мест для жителей страны, политику уважения к старшим, повышение пенсий, поддержку семей и традиционных гендерных ролей, разумные траты вместо бесконечной экономии¹⁷. На уровне лозунгов рецепты правого популизма сводятся к тому, чтобы вознаградить “своих” (граждан) за счет взявших слишком много воли “чужих” (иммигрантов, евробюрократов, разного рода меньшинств). Подобная риторика завоевывает внимание среди прочих лозунгов и обещаний европейских правых популистов — от АдГ и “Национального фронта” до Британской национальной партии, нидерландской Партии свободы, венгерского “Йоббика” и т.д.

Однако стремление к регулированию и обретению контроля вовсе не исчерпывается указанной выше риторикой. За громкими и пугающими словами нередко следуют детальные планы регулирования в самых разнообразных областях. И в этом отношении программные и предвыборные обещания европейских правых популистов выглядят не лучше и не хуже таковых у “системных” политических сил.

Например, даже при беглом ознакомлении с программой “Альтернативы для Германии” мы обнаружим, что на 70 страницах затронуты вовсе не только вопросы, имеющие отношение к исламу, ношению хиджабов, иммигрантам,

¹⁵ Муфф Ш. Постдемократия и постполитика. — *Гептер*. 13.11.2013. Доступ: <http://gefter.ru/archive/10510> (проверено 15.03.2017).

¹⁶ Бурума Я. Конец англо-американского мироустройства. “Исключительность” нового века: уроки, которых никто не ценит. — *Гептер*. 16.12.2016. Доступ: <http://gefter.ru/archive/20439> (проверено 05.03.2017).

¹⁷ Что нужно знать про выборы президента Австрии. — *BBC.com*. 02.12.2016. Доступ: <http://www.bbc.com/russian/features-38146760> (проверено 05.03.2017).

мультикультурализму и т.д., к чему обычно ее сводят обозреватели. Отнюдь не меньшее внимание уделено проблемам безработицы и бизнеса, социального страхования и воспитания детей, науки и образования, окружающей среды, атомной энергетике и альтернативным источникам энергии, даже таким частным вопросам, как “гендерные исследования” (которые предлагается более не проводить) или трансграничная перевозка грузов¹⁸, — все они предполагают разработку и принятие на законодательном уровне ряда регулятивных мер.

То же самое можно сказать и о программных установках французского “Национального фронта”. Еще 20 лет назад эта программа начиналась с раздела “О работе для французов”, а в первых строках ее говорилось: “Безработица сегодня — одно из наиболее разрушительных явлений для нашей экономики. Она приносит не только экономические и общественные последствия, но также и гуманитарные. Действительно, кто может сегодня утверждать, что он не будет очередной жертвой безработицы?”¹⁹. Сегодня Марин Ле Пен выступает за налоговый кредит для низких доходов, увеличение на 200 евро зарплат ниже 1 500 евро, предлагает создать программу жилищных льгот для молодежи, планирует ввести приоритетное снижение тарифов на газ и электричество на 5%, снизить подоходный налог на компании после проведения реформы службы соцобеспечения для независимых трудящихся. И это — только малая часть из “144 обещаний”, которые затрагивают темы экономики, безопасности, семьи, школы и Европы²⁰.

Вероятнее всего, такого рода многоплановые регулятивные намерения популистов в случае победы не останутся пустым звуком. То, что Марин Ле Пен обещает сделать во Франции, в Польше уже делает “Право и справедливость” — это “комбинация мер, направленных на ослабление режима жесткой экономии (социальные выплаты, о которых не осмеливается даже мечтать ни одна левая партия) и на восстановление порядка и безопасности путем утверждения национальной идентичности и решения иммиграционной проблемы”²¹. И такой популизм, похоже, имеет шансы стать приемлемым и даже “образцовым”. Пока же популист не пришел к власти или не успел проявить себя, его, как это делает П. Кругман в отношении избранного президента Д. Трампа еще до его инаугурации, можно обвинить в “ненстоящем” популизме: “европейские популистские партии являются на самом деле популистскими. Они проводят политику, которая действительно помогает рабочим, но только если эти рабочие относятся к правильной этнической группе. Как кто-то выразился, они рекламируют государство всеобщего благоденствия расы господ... Г-н Трамп, однако, иной человек. В ходе предвыборной кампании он много чего наговорил, но его кадровые подходы показывают, что он будет проводить обычную правую жесткую республиканскую политику”²². В дру-

¹⁸ *Grundsatzprogramm der Alternative für Deutschland*. 2016. URL: <https://www.alternativefuer.de/wp-content/uploads/sites/7/2016/03/Leitantrag-Grundsatzprogramm-AfD.pdf> (accessed 05.03.2017).

¹⁹ *Программа Национального фронта (к выборам в законодательное собрание Франции)*. 1997. Доступ: http://www.zlev.ru/910_29.htm (проверено 05.03.2017).

²⁰ Гальеро Э. “Национальные интересы”, безопасность и “прямая демократия” — основы программы Национального фронта. — *ИНОСМИ*. 05.03.2017. Доступ: <http://inosmi.ru/social/20170205/238669166.html> (проверено 05.02.2017).

²¹ Жижек С. Думай локально, действуй глобально! — *ИНОСМИ*. 01.02.2017. Доступ: <http://inosmi.ru/politic/20170203/238661539.html> (проверено 03.03.2017).

²² Кругман П. Липовый популизм Дональда Трампа. — *Независимая газета*. 10.01.2017. Доступ: http://www.ng.ru/krugman/2017-01-10/5_6897_populism.html (проверено 05.03.2017).

гой оптике (которая отражает всю трудность традиционной идеологической квалификации современного популизма) Трамп не выглядит ни однозначно правым популистом, ни правым консерватором: он “в отличие от Рейгана, решил поднять налог для богатых людей и перевести производство (например, он потребовал, чтобы *Apple* производила свои телефоны в США)”²³, а инициируемое им строительство стены на границе с Мексикой выглядит чуть ли не как кейнсианская политика в духе “Нового курса”²⁴.

Иными словами, популисты во многом намерены делать то, что должны делать левые, да и прочие “системные” политические силы, если только они действительно хотят остаться истинными наследниками традиционной либерально-консервативно-социалистической парадигмы европейской политики. А именно — управлять социальными трансформациями во имя интересов большинства, которые артикулируются при соблюдении либерально-демократических процедур. Поэтому приведенный выше пассаж Я. Бурумы относительно намерений популистов “отвлечь население от внутренних проблем” выглядит явной натяжкой.

Итак, популизм в определенном смысле нормален и выражает обычную в рамках европейской политики потребность в управлении социальными трансформациями посредством государственного регулирования. Но какими именно трансформациями? Третья великая трансформация осмысливается в разных парадигмах — когнитивного капитализма [Верчеллоне 2007; Руллани 2007], заката “общества труда” [Кастель 2009], постфордизма [Постфордизм... 2015], “нового духа капитализма” [Болтански, Кьяпелло 2011] и др. Эта трансформация порождает проблемы социального расслоения, прекаризации, “лишних людей” (вследствие технологического замещения и не только), кризиса социального государства и т.д.

Если главная черта популизма — акцент на идее необходимости регулирования, то сегодня эта черта коррелирует с трансформациями, которые переживает капитализм. Как замечает Э. Руллани, при когнитивном капитализме “стоймость знания не является продуктом естественной редкости, но вытекает исключительно из тех ограничений доступа к знанию, которые устанавливаются институционально или явочным порядком” [Руллани 2007: 66-67]. Это влечет трансформацию капитализма, в результате которой свободный рынок вытесняется “установленными институционально” (т.е. при помощи государственного регулирования) практиками распределения ренты, а значение интеллектуальной и промышленной ренты существенно возрастает [Жижек 2012: 33].

Травмирующие проявления происходящей Третьей великой трансформации разнообразны, они касаются проблем, вызываемых глобализацией, сложным соотношением процессов модернизации и демодернизации, многообразных кризисов идентичности, новых взаимоотношений общества и рынка, иных, чем прежде, способов взаимодействия капитализма и этики [Федотова, Колпаков, Федотова 2008: 385-484]. Очевидно, что эти проявления не могут быть преодолены “автоматически”, как нередко происходило раньше (или казалось, что так происходило). Сегодня трудно представить,

²³ Гашгави Х. Социология феномена Трампа. — *Katehon.com* 01.12.2016. Доступ: <http://katehon.com/ru/article/sociologiya-fenomena-trampa> (проверено 05.02.2017).

²⁴ Кагарлицкий Б. Стена и яма. — *УМ+*. 31.01.2017. Доступ: <https://um.plus/2017/01/31/wall> (проверено 05.02.2017).

как возможна новая стадия развития “базиса”, которая сама по себе, чуть ли не техническими способами или посредством достижения некоего естественного (“рыночного”) баланса сделает лишних людей вновь востребованными или сформирует жизнеспособную альтернативу привычному, но рушащемуся теперь “обществу труда” [Кастель 2009]. Речь даже не о том, что в очередной раз социальные противоречия будут разрешены политически оформленным насилием. Речь о том, что в обществах, в которых “надстройка” и “базис” переплетаются все сильнее, единственным способом решения проблем становится социально-политическая активность и постоянные, осмысленные усилия по регулированию во всех сферах (от технических до политических и моральных). И это — естественное следствие развития обществ, начиная с Нового времени. В настоящее время имеется “богатство в обществе, но бедность — в социальной организации”²⁵, а последняя требует регулирования, перерастающего в созидание новых политических и экономических форм, социального экспериментирования. Эта потребность пересекается с популистской склонностью к “безответственному” экспериментированию.

В этих условиях рост левого и правого популизма может оказаться не временным явлением, а постоянной, если не системообразующей, тенденцией, ответом на вызов Третьей великой трансформации. Даже умеренный прогноз К. Дейвикс сводится к тому, что “элементы популизма в политике останутся и даже усилятся. Во-первых, представительная демократия почти неизбежно сопровождается популизмом из-за парадоксальности природы самой демократии. Во-вторых, медиатизация политики становится магистральным трендом. Медиа предоставляют популистам возможность получать широкую поддержку, производя примитивные призывы и изображая их харизматическими лидерами и подлинными представителями ‘народа’”²⁶. Как замечает С. Райнфельдт (немецкий блогер), “...правый популизм — это не переходный феномен. История, к примеру, уже устоявшихся право-популистских партий в Австрии и в Швейцарии показывает, что правый популизм функционирует в относительно стабильных социальных и экономических контекстах”²⁷. То же самое можно сказать и о левом популизме, поскольку “со временем ощущение распада социального порядка стало восприниматься уже через призму не только социокультурных, но и общественно-политических трансформаций, связанных с процессами европейской интеграции... И эти тенденции стали серьезной предпосылкой ослабления монополии правых радикалов на ‘антиполитику’ и их способности оставаться единственными ‘борцами’ против разрушения прежнего социального порядка” [Вайнштейн 2013: 31]. Р. Костюк, например, считает, что “примеры голландской соцпартии, ирландской “Шинн фейн”, Партии труда Бельгии и, в еще большей степени, испанской “Подemos” показывают, что левую идеологию можно “обручить” с социальным популизмом”²⁸.

²⁵ McKenzie W. Cognitive Capitalism. — *Public Seminar*. 19.02.2015. URL: <http://www.publicseminar.org/2015/02/cog-cap/#.WJTUJFOLSUK> (accessed 04.02.2017).

²⁶ Дейвикс К. Популизм. — *Гептер*. 22.11.2012. Доступ: <http://gefter.ru/archive/6800> (проверено 15.03.2017).

²⁷ Райнфельдт С. Уродливый оскал Европы. — *Sensus novus*. 26.05.2012. Доступ: <http://www.sensusnovus.ru/analytics/2012/05/26/13602.html> (проверено 15.03.2017).

²⁸ Костюк Р. Призрак бродит по Европе, призрак популизма. — *РАБКОР*. 01.01.2016. Доступ: <http://rabkor.ru/columns/editorial-columns/2016/07/01/phantom/> (проверено 15.03.2017).

По словам К. Лэша, популизм отражает ситуацию, в которой “общественная, публичная философия, соответствующая XXI веку, должна будет больше опираться на сообщество, чем на право частного решения. Она должна будет делать ударение скорее на ответственности, нежели на правах. Она должна будет найти лучшее выражение для сообщества, нежели государство всеобщего благосостояния. Она будет должна ограничить сферу рынка и власть корпораций, не подставляя на их место централизованную государственную бюрократию” [Лэш 2002: 93].

Популизм указывает на необходимость изобретения новых социальных институтов и практик, политических форм и т.д. — на задачу, с которой “ответственные” политические силы по тем или иным причинам не справляются. Но это не значит, что он способен их изобрести. Ведь популизм политически пассивен — в той мере, в которой апеллирует к государственному регулированию. Для него, при всем неприятии истеблишмента, государство остается идолом, потенциально способным решить все проблемы. Надо только “вернуть власть народу”. Популизм онтологически больше склонен к правым подходам, поскольку рассчитывает использовать уже имеющийся аппарат легального насилия в своих интересах, против врагов и конкурентов. Именно поэтому более распространен правый популизм, нежели левый.

Но сводится ли популизм к элементу упования на государственное регулирование? Является ли он только рудиментом либерального консенсуса, или в нем есть нечто избыточное и, таким образом, ростки будущего? Этот вопрос требует отдельного исследования, однако есть основания полагать, что избыточность в популизме всегда присутствует. Хотя бы потому, что популизм — это идея “власти народа”, которая шире по отношению к ее реальному и всегда ограниченному “демократическому” воплощению. При этом, как резонно замечает К. Дейвикс, “популисты вынуждены полагаться на те институциональные смыслы и структуры, которые они сами подвергают уничтожающей критике. Популисты пытаются избежать этой институциональной дилеммы и представляются сторонниками прямой демократии, в которой политик непосредственно общается с населением, и партийность отсутствует хотя бы теоретически”²⁹. Внутреннее противоречие популизма (другая сторона его “институциональной дилеммы”) заключается в том, что он есть с одной стороны стремление к государственному регулированию и поклонение государству, а с другой — стремление к “причастности к собственной судьбе”, которое превосходит любую этатистскую ангажированность. Это описание может показаться далеким от категориальной ясности, но таков сам феномен популизма, который не поддается четкой концептуализации — возможно, благодаря именно этой двойственности и наличию почти мистической избыточности. Поэтому, несмотря на часто отмечаемую тесную связь популизма с демократией, в области политических форм и практик популистские инициативы могут выйти за пределы наличных демократических институтов. Это вызывает, к примеру, у К. Крауча смесь слабой надежды на “эгалитарных демократов”, представляющих “творчески спокойный демос”, и опасений по поводу их антидемократических потенциалов [Крауч 2010: 131-135]. Как замечает А. Бозоки, “популизм одинаково сочетается и с демократией, и с по-

²⁹ Дейвикс К. Популизм. — *Гептер*. 22.11.2012. Доступ: <http://gefter.ru/archive/6800> (проверено 15.03.2017).

лудемократией, и с полным отсутствием демократии” [Бозоки 2012: 182]. Но “причастность к собственной судьбе” шире “демократии”.

***

Поскольку имеющиеся проблемы не могут быть решены неким “естественным образом”, то, несмотря на (вероятно, временный) дефицит идей, складываются объективные предпосылки для наступления новой эпохи социального реформаторства.

Проблемы социальной организации требуют реформаторского вмешательства — вызов, на который должны отвечать правые и левые силы. Но и те, и другие все меньше удовлетворяют избирателей, недовольных нарастающим государственным контролем при столь же возрастающей безответственности власти. Поэтому на смену “системным” политикам и партиям приходят правые и левые популисты, *отстаивающие и сегодня необходимость регулирования во имя интересов большинства*. В их риторике можно различить как контуры новых социальных экспериментов ради большей социальной справедливости, так и обещания новой “консервативной революции”. Влияние популизма впредь будет только повышаться, сотрется сама грань между популизмом и непопулизмом, как это уже происходит сейчас. Значимость “не правого и не левого” популизма будет увеличиваться не только потому, что в ситуации постмодерна привычные правые и левые идеологии отступают на задний план, но в силу общей практики регулирования социальных и экономических процессов, к которой теперь постоянно прибегают любые политические силы, приходя к власти, — и называющие себя левыми, и называющие себя правыми.

С популизмом будут связываться как привычные ожидания эффекта социально ориентированного регулирования экономики, так и более или менее сознательные ожидания новых социальных экспериментов (вроде попыток введения “базового основного дохода”), призванных обогатить и сделать более адекватной социальную организацию современных обществ. Эти ожидания будут касаться и правого, и левого популизма. Но если к правому популизму относятся скорее традиционные упования на регулятивное вмешательство государства (запретим, ограничим, вернем как было и т.д.), то на левых, в той мере, в которой они окажутся способны выйти за рамки “красного протекционизма”, ляжет как раз задача социального экспериментирования. Последняя предполагает не только протестную реакцию на неолиберализм, но и видение будущего, обусловленное если и не “идеологией” в привычном смысле, то неким метарассказом. Однако современное состояние левых сил пока не внушает оптимизма. В целом для левых характерна ситуация, когда у них нет общего представления о сути альтернативного капитализму общественного строя.

С уверенностью можно сказать только одно: популизм — это надолго. При этом популистская политическая и общественная активность, будучи осознана как борьба за власть над собственной судьбой, в обозримом будущем имеет шансы стать чем-то большим, чем банальная борьба за распределение ренты в рамках “постдемократии”.

Байме К. 2014. Популизм и правый экстремизм в партийных системах эпохи постмодерна. — *Берегиня*. 777. *Сова*. № 4 (23). С. 101-109.

Баранов Н.А. 2015. Возрождение популизма: европейский опыт и российские практики. — *Вестник СПбГУ. Сер. 6. Политология. Международные отношения*. Вып. 3.

С. 25-35. Доступ: <http://cyberleninka.ru/article/n/vozrozhdenie-populizma-evropeyskiy-opyt-i-rossiyskie-praktiki> (проверено 15.03.2017).

Бозоки А. 2012. Популизм как дискурс венгерских элит. — *Сравнительная политика*. № 3 (9). С. 162-184. DOI: [https://doi.org/10.18611/2221-3279-2012-3-3\(9\)-162-184](https://doi.org/10.18611/2221-3279-2012-3-3(9)-162-184)

Болтански Л., Кьяпелло Э. 2011. *Новый дух капитализма*. М.: НЛЮ. 976 с.

Вайнштейн Г. 2013. Популизм в современной Европе: новые тенденции. — *Мировая экономика и международные отношения*. № 12. С. 24-33.

Варенцова О.Б. 2014. Три волны популизма в Латинской Америке. — *Вестник МГИМО-Университета*. № 6. С. 153-160.

Верчеллоне К. 2007. Вопрос о развитии в век когнитивного капитализма. — *Логос* № 4 (61). С.144-167.

Жижек С. 2012. *Год невозможного. Искусство мечтать опасно*. М.: Европа. 272 с.

Кастель Р. 2009. *Метаморфозы социального вопроса. Хроника наемного труда*. СПб.: Алетейя. 574 с.

Крауч К. 2010. *Постдемократия*. М.: Изд. дом Гос. ун-та — Высшей школы экономики. 192 с.

Лэш К. 2002. *Восстание элит и предательство демократии*. М.: Логос; Прогресс. 224 с.

Мартьянов В.С. 2004. Политические партии современной России: от идеологической реальности к виртуальному популизму. — *Роль политических партий и общественных организаций в формировании органов власти в соответствии с интересами различных групп населения*. Екатеринбург: УрАГС. С. 173-180.

Мусихин Г.И. 2009. Популизм: структурная характеристика политики или «ущербная идеология»? — *Полития*. № 4 (55). С. 40-53.

Полян К. 2002. *Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени*. СПб.: Алетейя. 320 с.

Политология: Энциклопедический словарь. 1993. М.: Издательство Московского коммерческого университета. 431 с.

Постфордизм: концепции, институты, практики. 2015. Под ред. М.С. Ильченко, В.С. Мартьянова. М.: РОССПЭН. 279 с.

Руллани Э. 2007. Когнитивный капитализм: déjà vu? — *Логос*. № 4 (61). С. 64-69.

Федотова В.Г., Колпаков Н.Н., Федотова Н.Н. 2008. *Глобальный капитализм: три великие трансформации*. М.: Культурная революция. 608 с.

Харви Д. 2007. *Краткая история неолиберализма. Актуальное прочтение*. М.: Поколение. 288 с.

Canovan M. 1999. Trust the People! Populism and the Two Faces of Democracy. — *Political Studies*. No. 47 (1). P. 2-16. DOI: <https://doi.org/10.1111/1467-9248.00184>

Foner E. 2004. *Give Me Liberty! An American History*. Vol. 2. 2nd ed. New York: W.W. Norton & Company. 585 p.

Giddens A. 1994. *Beyond Left and Right: the Future of Radical Politics*. Cambridge: Polity Press. vii, 276 p.

Goodwyn L. 1978. *The Populist Moment: A Short History of the Agrarian Revolt in America*. N.Y.: Oxford University Press. xxix, 349 p

Greenfield R. 2010. Populism and Liberal Democracies: Why Palin's Populism Won't Work. — *CUREJ: College Undergraduate Research Electronic Journal*. URL: <http://repository.upenn.edu/curej/119> (accessed 20.03.2017).

Hofstadter R. 1965. *The Age of Reform: from Bryan to F.D.R.* N.Y.: Vintage Books. vi, 330, xv.

Ionescu G., Gellner E. 1970. Introduction. — *Populism: Its Meanings and National Characteristics*. Ed. by G. Ionescu, E. Gellner. London: Weidenfeld and Nicolson. 263 p.

Luttwak E. 1994. Why Fascism is the Wave of the Future. — *London Review of Books*. Vol. 16. No. 7. P. 3-6.

March L. 2008. *Contemporary Far Left Parties in Europe: From Marxism to the Mainstream?* Bonn, Berlin: Friedrich Ebert Stiftung. 24 p. URL: <http://library.fes.de/pdf-files/id/ipa/05818.pdf> (accessed 15.01.2017).

Mayer N. 2005. French Populism: The Aftermath of 21st April 2002. — *Populism and Media Democracy*. Ed. by B. Ociepa. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego.

Mudde C. 2004. The Populist Zeitgeist. — *Government and Opposition*. Vol. 39. No. 4. P. 541-563.

Sylvia R., Danopoulos C.P. 2003. The Chávez Phenomenon: Political Change in Venezuela. — *Third World Quarterly*. Vol. 24. No. 1. DOI: <https://doi.org/10.1080/713701367>

Taggart P. 2000. *Populism*. Buckingham, PA: Open University Press. 128 p.

DOI: [10.17976/jpps/2017.03.04](https://doi.org/10.17976/jpps/2017.03.04)

POPULISM WILL BE LONG LASTING

L.G. Fishman¹

¹*Institute of Philosophy and Law, Russian Academy of Sciences, Ural Branch. Ekaterinburg, Russia*

FISHMAN Leonid Gershevich, Dr. Sci. (Pol. Sci.), Leading Researcher, Institute of Philosophy and Law, Russian Academy of Sciences, Ural Branch, Ekaterinburg. Email: lfishman@yandex.ru

Fishman L.G. Populism Will Be Long Lasting. — *Polis. Political Studies*. 2017. No. 3. P. 55-70. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.03.04>

Received: 16.09.2016. Accepted: 23.11.2016

Abstract. The article investigates the phenomenon of contemporary populism. The author draws attention to the contradictions accompanying the attempts of its conceptualization. He describes populism as a phenomenon that is completely ineradicable, though marginal and fading when the situation normalizes. At the same time, the description of the modernity in categories of post-policy, a postmodern, post-democracy, post-ideology, etc. leads us to the fact that populism begins to remind a systemically important phenomenon of modern political field. In order to achieve less contradictory conceptualization of the phenomenon of populism, the author proposes to study it in the context of the second and third Great Transformation of capitalism. Many experts claim populism to be the quintessence of consensus regarding the need for state regulation, characteristic for all the major ideologies of an era of the second Great Transformation. It remains considerably the same in the period of the third Great Transformation we are witnessing now. Since current problems cannot be solved “in natural way,” there are objective prerequisites for the approach of a new era of social reformation. Traditional left-wing as well as traditional right-wing forces are in crisis, yielding initiative to the regulatory policy of neoliberals. However, the right- and left-wing populists are substituting them. Therefore, during the ongoing Great Transformation, the influence of populism will grow, as it is actually already happening now. People will place high expectations on populism, such as the usual expectations of the regulation and the expectations of social experiments aimed to make social organization of modern societies more appropriate and enrich it. These expectations will be satisfied to the extent that populism would be able to implement the underlying in its nature democratic desire of the “nation” to gain control over their own destiny. Otherwise, both right and left populist political activities will reduce to contest for a rent, characteristic of an era of “cognitive capitalism,” when, for example, the very existence of permanent job is already a privilege, providing a rent in the form of wages.

Keywords: populism; capitalism; rent; Great Transformation; post-democracy; government regulation; neoliberalism.

References

Baranov N. Revival of Populism: the European Experience and Russian Practice. — *Vestnik of Saint Petersburg University. Political Science. International Relations*. 2015. Vol. 3. P. 25-35. (In Russ.)

Beim K. Populism and Right-Wing Extremism in the Party Systems of the Postmodern Era. — *Bereginya*. 777. *Sova*. 2014. No. 4 (23). P. 101-109. (In Russ.)

Boltanski L., Chiapello E. Le nouvel esprit du capitalisme. (Russ. ed.: Boltanski L., Chiapello E. *Novyy dukh kapitalizma*. Moscow: NLO. 2011. 976 p).

- Bozóki A. Populism as a Discourse of Hungarian Elites. — *Comparative Politics Russia*. 2012. No. 3 (9). P. 162-184. (In Russ.) DOI: [https://doi.org/10.18611/2221-3279-2012-3-3\(9\)-162-184](https://doi.org/10.18611/2221-3279-2012-3-3(9)-162-184)
- Canovan M. Trust the People! Populism and the Two Faces of Democracy. — *Political Studies*. 1999. No. 47 (1). P. 2-16. DOI: <https://doi.org/10.1111/1467-9248.00184>
- Castel R. Métamorphoses de la question sociale. Une chronique du salariat. (Russ. ed.: Castel R. *Metamorfozyi sotsialnogo voprosa. Hronika naemnogo truda*. Saint Petersburg: Aleteyya. 2009. 574 p.)
- Crouch C. Post-Democracy. (Russ. ed.: Crouch K. *Postdemokratiya*. Moscow: Izd. dom Gos. un-ta — Vyishey shkolyi ekonomiki. 2010. 192 p.)
- Fedotova V.G., Kolpakov N.N., Fedotova N.N. *Globalnyiy kapitalizm: tri velikie transformatsii* [Global Capitalism: Three Transformations]. Moscow: The Cultural Revolution. 2008. 608 p. (In Russ.)
- Foner E. *Give Me Liberty! An American History*. Vol. 2. 2nd ed. 2004. New York: W.W. Norton & Company. 585 p.
- Giddens A. *Beyond Left and Right: the Future of Radical Politics*. Cambridge: Polity Press. 1994. vii, 276 p.
- Goodwyn L. *The Populist Moment: A Short History of the Agrarian Revolt in America*. N.Y.: Oxford University Press. 1978. xxix, 349 p
- Greenfield R. Populism and Liberal Democracies: Why Palin's Populism Won't Work. — *CUREJ: College Undergraduate Research Electronic Journal*. URL: <http://repository.upenn.edu/curej/119> (accessed 20.03.2017).
- Harvey D.A. Brief History of Neoliberalism. (Russ. ed.: Harvey D. *Kratkaya istoriya neoliberalizma. Aktualnoe prochtenie*. Moscow: Pokolenie. 2007. 288 p.)
- Hofstadter R. *The Age of Reform: from Bryan to F.D.R.* N.Y.: Vintage Books. 1955. vi, 330, xv.
- Ionescu G., Gellner E. Introduction. — *Populism: Its Meanings and National Characteristics*. Ed. by G. Ionescu, E. Gellner. London: Weidenfeld and Nicolson. 1970. 263 p.
- Lasch C. The Revolt of the Elites and the Betrayal of Democracy. (Russ. ed.: Lasch C. *Vosstanie elit i predatelstvo demokratii*. Moscow: Logos; Progress. 2002. 224 p.)
- Luttwak E. Why Fascism is the Wave of the Future. — *London Review of Books*. Vol. 16. No. 7. 1994. P. 3-6.
- March L. *Contemporary Far Left Parties in Europe: From Marxism to the Mainstream?* Bonn, Berlin: Friedrich Ebert Stiftung. 2008. 24 p. URL: <http://library.fes.de/pdf-files/id/ipa/05818.pdf> (accessed 15.01.2017).
- Martyanov V.S. Politicheskie partii sovremennoi Rossii: ot ideologicheskoi real'nosti k virtual'nomu populizmu [Political Parties of Modern Russia: from the Ideological Reality to Virtual Populism]. — *Rol' politicheskikh partii i obshchestvennykh organizatsii v formirovaniy organov vlasti v sootvetstviy s interesami razlichnykh grupp naseleniya* [Role of Political Parties and Public Organizations in the Formation of Authorities in Accordance with the Interests of Different Groups of the Population]. Ekaterinburg: Urals. 2004. P. 173-180. (In Russ.)
- Mayer N. French Populism: The Aftermath of 21st April 2002. — *Populism and Media Democracy*. Ed. by B. Ociepka. Wroclaw: Wydawnictwo Uniwersytety Wroclawskiego. 2005.
- Mudde C. The Populist Zeitgeist. — *Government and Opposition*. 2004. Vol. 39. No. 4. P. 541-563.
- Musikhin G.I. Populism: the Structural Characteristics of the Policy or "Flawed Ideology"? — *Politeia*. 2009. No. 4 (55). P. 40-53.
- Polanyi K. The Great Transformation: The Political and Economic Origins of Our Time. (Russ. ed.: Polanyi K. *Velikaya transformatsiya: politicheskie i ekonomicheskie istoki nashego vremeni*. Saint Petersburg: Aleteya. 2002. 320 p.)
- Political Science: Encyclopedic Dictionary*. Moscow: Publishing house of Moscow commercial University. 1993. 431 p.
- Postfordizm: kontseptsii, instituty, praktiki*. Pod red. M.S. Il'chenko, V.S. Mart'yanova [Post-Fordism: Concepts, Institutions, Practices. Ed. by M.S. Ilchenko, V.S. Martyanov]. Moscow: ROSSPEN. 2015. 279 p. (In Russ.)
- Sylvia R., Danopoulos C.P. The Chávez Phenomenon: Political Change in Venezuela. — *Third World Quarterly*. 2003. Vol. 24. No. 1. DOI: <https://doi.org/10.1080/713701367>
- Taggart P. *Populism*. Buckingham PA: Open University Press. 2000. 128 p.
- Varentsova O.B. Three Waves of Populism in Latin America. — *Vestnik MGIMO-University*. Number 6. 2014. P. 153-160.
- Vainshtein G. Populism in Contemporary Europe: New Trends. — *World Economy and International Relations Journal*. 2013. No. 12. P. 24-33.
- Verchellone K. The Issue of Development in the Age of Cognitive Capitalism. — *Logos*. 2007. No. 4 (61). P.144-167. (In Russ.)
- Zizek S. The Year of Dreaming Dangerously. (Russ. ed.: Zizek S. *God nevozmozhnogo. Iskusstvo mechat opasno*. Moscow: Europe. 2012. 272 p.)